

§ 3. Философия истории и идея истории американского исторического романа 20–30-х годов

Революция в духовной жизни страны, последовавшая за окончанием I мировой войны, нашла выражение в духе нон-конформизма, отрицания общепринятой системы идейных и нравственных ценностей, считавшихся незыблемыми на протяжении двух столетий, в переосмыслении традиционной концепции национальных героев. Одним из проявлений этой революции в мировосприятии было появление литературы «потерянного поколения», ранних произведений Хемингуэя, Дос Пассоса, Фолкнера, Фицджеральда. Однако наиболее активно процесс переосмысления и переоценки американской истории шел в исторической беллетристике. Свидетельство тому – не только появление школы «дебункеров»¹ в документально-художественной биографии, этих «разгребателей грязи» биографического жанра, но и весь изменившийся тон исторической беллетристики, основную задачу которой А.Моруа верно определил как «смелый поиск правда». Появляется целая плеяда исторических романистов /Лорд, Фаст, Эдмондс, Эрлих, Фут/, которые обращаются к документу, псевдодokumentу, дневниковым и эпистолярным формам именно с целью пересмотра привычного представления об историческом процессе в США. В их произведениях рождается новая версия американской истории, получающая развитие на протяжении всего столетия.

Исследователь американского исторического романа А.Т.Дикинсон указывает на определенную закономерность, вырисовывающуюся из интереса, проявляемого историческими романистами к той или иной эпохе, тому или иному событию национальной истории в ту или иную фазу развития страны в XX веке. В 20-е годы, считает исследователь, основной темой исторического романа была Гражданская война и события, последовавшие за ней; в 30-е к романам о Гражданской войне добавились произведения, порожденные интересом к более ранним бурным эпохам в истории страны – революции и завоеванию новых территорий на Западе.

Даниэль Аарон, ученый и критик, исследуя освоение темы Гражданской войны американскими писателями, отмечает, что она породила больше исторических исследований, биографий, мемуаров, исторической беллетристики и поэзии, чем все остальные американские войны, вместе взятые, ссылаясь, вместо объяснения причин подобного интереса, на слова Томаса Виара: «война в физическом смысле окончилась в 1865 году, но ее политические последствия могут проявиться и около 3000 года»².

Вместе с тем, до 20-х годов следующего столетия Гражданская война не вдохновила ни одного шедевра, за исключением «Алого знака доблести» С.Крейна. Шервуд Андерсон имел все основания заключить в 1916 году, что «ее подлинный дух еще не проник на страницы печатной книги»³. Этому способствовали две основные причины. Первая – отсутствие необходимой исторической перспективы, с высоты которой можно было бы объективно оценить исторический опыт войны между Севером и Югом; как выразил ее литературный критик Скрибнер Мэгезин, «писатель средних лет в 1900-е годы слишком молод, чтобы самому быть участником войны, но слишком близок к ней, чтобы воспринимать ее как эпос»⁴. Вторая причина заключалась в засилии литературной традиции «нежного реализма», исключавшей, по словам Аарона, «некоторого рода опыт, и не удивительно, что территория простого солдата была выведена за пределы литературы американскими цензорами от культуры. Болезнь, пьянство, непристойность, богохульство, преступность – на эти предметы можно было только намекать, а еще лучше не упоминать о них вообще; черные солдаты, шивые бойцы, ... обиженные на своих командиров, ненавидевшие «нигеров», были мало презентабельными предметами»⁵. Блестящие победы реализма в американской литературе в 20-е годы сделали эту территорию наконец-то доступной для эстетического освоения историческими романистами и появления нового типа исторического романа о Гражданской войне, о котором Фред В. Миллетт писал, что «реализм и импрессионизм неисторического современного романа в конце концов породили тип романа, романтического по тону, но традиционного /т. е. реалистического – Т.К./ по технике письма»⁶.

Первым проявлением этого нового типа исторического романа о Гражданской войне стал роман Джеймса Бойда «Маршируя» /1927/, положивший начало огромному количеству романов на тему Гражданской войны. Впервые Гражданская война была изображена с непривычного угла зрения – так, как ее воспринимал, как ее прочувствовал на своем горьком опыте бедный фермер с Юга. Джеймс Фрейзер, герой романа, представлен в романе героем, типичным для своей среды, и его мировосприятие, мастерски воссозданное в романе, индуцирует идею истории в том виде, в каком, по мнению автора, она сложилась и реализовывала себя в широких слоях южного общества перед Гражданской войной и в ее продолжении. Джеймс Бойд исторически правдиво и психологически достоверно передает взрыв местного патриотизма, вызванный антисоюзными, антицентристскими настроениями, общий душевный подъем на основе

¹ Биографы этого направления видели свою задачу в разоблачении пороков и развенчании национальных знаменитостей, и потому сосредоточивали свое внимание не на достоинствах, а на недостатках изображаемого персонажа, весьма часто – в ущерб созданию целостного всестороннего характера исторического героя.

² Aaron D. An Unwritten War. American Writers and the Civil War. – N. Y., 1973. 23, P. XIII.

³ Ibid. P. 340.

⁴ Scribner's Magazine. XXXV. – 1904. Jan.–June. P. 764.

⁵ Aaron D. Op. cit. – P. XXVI.

⁶ Millett F. B. Contemporary American Authors. – N. Y., 1944. – P. 60.

стремления к государственной суверенности, овладевший южанами накануне Гражданской войны. «Трепет восторга охватил людей. Рождалось правительство Юга, южная нация, их собственная империя, свободная от оков, угроз и притязаний ханжеских, жадных чужаков; свободная развиваться достойно, достичь процветания и славы, на которые ет F.В. обрекал ее гений Юга. А все было так просто: достаточно было воспользоваться своим правом выхода из Союза, порвать с правительством, которое бесчестно повело себя по отношению к меньшинству, и воссоединить свои силы для создания новой нации...»⁷.

Тяжелый военный опыт помогает герою постигнуть истинную суть войны. Это новое понимание, постижение жизни окончательно кристаллизуется и находит свое выражение в финальных сценах романа. После двухгодичного пребывания в плену, в известном Андерсонвилле, лагере для военнопленных южан, увековеченном другим историческим романистом /роман М.Кэнтора «Андерсонвилль», 1957/, куда он попал, героически сражаясь в битве, исторически никак не аннотированной в романе /что вполне соответствует авторской философии истории – в самом деле, есть ли различие между битвами бессмысленной бесчеловечной войны;/ герой наконец-то добирается домой и там встречает известие о падении форта Фишер, что равнозначно поражению Юга. Он сам удивлен равнодушием, с которым он, солдат армии Конфедерации, встречает это известие. Осознание его причины не заставляет себя ждать. «Он чувствовал, что его обманули... Янки воевали, чтобы сохранить Союз, на который ему было наплевать. Они также воевали, чтобы освободить рабов. Глупо было воевать из-за этого, но еще глупее с его стороны было воевать, чтобы удержать негров в рабстве. Ни один из них не принадлежал ему»⁸. Так герой постигает истинную классовую суть войны Севера и Юга как войны, чуждой ему. Он прозрел. Поступок героя в финальной сцене романа, помогающего бежавшим из плена янки, которых он вдруг ощущает своими «братьями по отчаянию», не только характеризует его человеческую зрелость и гуманность, но и выражает авторскую концепцию примата вечных общечеловеческих ценностей над исчерпавшими себя идеологическими догмами.

Углубление социального анализа Гражданской войны, оппозиция красивому мифу, сформированному к этому времени «южной школой», – вот то новое, что внес исторический роман Джеймса Бойда в осмысление поворотного исторического события в судьбе Соединенных Штатов. По мысли автора, Гражданская война со стороны Юга лишена глубоких нравственных оснований, знаменует собой победу того пути социального, политического развития, при котором, по словам одного из героев, участника американской революции, идеалы революции и революционные герои забыты, и «все самое благородное в нашей истории и легенде предано забвению в резкой схватке за негров и хлопок». Джеймс Бойд показывает, что сепаратистские настроения на Юге вызваны не только тем, что янки стремятся уничтожить экономическую базу Юга – рабство, не стремясь защитить свою самость и национальное достоинство – официальное объяснение причин войны, но и причинами более общего экономического характера: тем, что Север якобы обирает Юг, покупая хлопок по дешевой цене, но, установив свою монополию на покупку южного хлопка, наживается на продаже товаров из него. В ходе войны рабство, основной вопрос, вызвавший конфронтацию, отходит для ее участников-южан на второй план – воюют они из ненависти к янки, надеются на будущее процветание Юга. Книга Бойда взрывает не только один из основных тезисов «южного мифа» – об однородности южного общества до Гражданской войны /а конфликт, на котором построен этот роман, именно социальный, вызванный неоднородностью южного общества – конфликт фермера–бедняка с мифом рабовладельцев-плантаторов/, но и, на уровне экспозиции идеи истории, выявляет неоднородность отношения к тому явлению, которое, считалось, сплотило всех южан перед лицом угрозы с Севера – к Гражданской войне. Пожилой плантатор, встреченный героем в поезде, предупреждает о том, что столкновение с Севером, скорее всего, погубит Юг, и что он не верит «в болтовню о процветании и правах Юга». Школьный учитель Дональд Камерон понимает, что рабство направлено и против белого бедняка на Юге, что вся экономическая система Юга, основанная на принципе «больше урожая с негров, не с земли», порочна, и потому вопрос о свободных территориях на Западе – основной вопрос, из-за которого разгорелся конфликт, – решает так, как настаивал на том Север: рабства там не должно быть, чтобы белому бедняку было куда податься. У героя /и стоящего за ним автора/ вызывает презрение искусственный, бессодержательный мир южных аристократов, лишенный нравственных и культурных корней, – и здесь автор противоречит «южному мифу», канонизовавшему «благородство и утонченность южных джентльменов». Бойд вскрывает антидемократические принципы, положенные в основу армии Конфедератов.

Часть книга, посвященная войне, т.е. описанию военных действий, самая небольшая по объему. Вообще о битвах Гражданской войны говорится в этой книге, посвященной войне, кратко, вскользь, как бы нехотя. Война для героя – это бесконечные бессмысленные марши, непонятно куда и зачем, доводящие солдат до животного отупения. И даже когда автор все-таки подходит к описанию тяжелой битвы, в которой принял участие полк его героя, то и тогда проявляется та же концепция войны как тяжелой, бессмысленной изнуряющей страды, где убитый мало чем отличается от живого – тот тоже духовно мертв.

⁷ Boyd J. *Marching On*. – N. Y., 1927. – P. 193. Все переводы с английского языка, кроме специально оговоренных случаев, выполнены автором монографии.

⁸ *Ibid.* – P. 409.

Описание битвы дано только с точки зрения ее непосредственного участника – Джеймса Фрэзера, не знающего, что происходит на самом деле, не видящего общего плана битвы, не ведающего ее смысла, но чувствующего весь ужас уничтожения, который она несет. Подобное освещение сражения работает на раскрытие авторской концепции войны как действия бессмысленного и бесчеловечного. В его батальных сценах ощущается традиция реалистического описания войны, заложенная Стивеном Крейном в «Алом знаке доблести»: кровь, отвратительные суровые подробности, бесстрастно зафиксированные не героем, но стоящим за ним автором. В его изображении солдаты на войне теряют человеческий облик, ими владеет одно желание – убивать, за что – они не осознают.

Концепция войны как бессмысленного, изнурительного бесчеловечного труда, уничтожающего человека морально и физически, воплощенная Джеймсом Бондом в романе «Маршируя», предвосхитила трактовку войны в лучших образцах литературы «потерянного поколения», в романах Хемингуэя, Фолкнера, Олдингтона, Ремарка. Философия истории Джеймса Бонда приводит его к изображению Гражданской войны как политической авантюры, чуждой интересам бедных слоев южного фермерства. На философии истории автора, воплощенной в художественных образах и структуре романа, явственно ощущается влияние американского социального романа 20-х годов с его углубленным социальным анализом, четко расставляющим классовые акценты в изображении жизни.

Американский исторический роман 20-30-х годов подчеркнуто пацифичен. Авторы других исторических романов о Гражданской войне /М.Кэнтон, Х.Аллен/ отказываются от глубокого социального анализа ее причин и характера, свойственных роману Джеймса Бонда, и трактуют ее как трагедию, равную для обеих сторон. Роман Маккинли Кэнтора «Долго помнить» /1934/ посвящен Геттисбергской битве, которая дается через восприятие не ее непосредственных участников, но мирных жителей городка, оказавшихся на окраине боевых действий. Автору важно передать восприятие величайшей битвы Гражданской войны людьми, сознание которых не было трансформировано участием в жестокой бойне, и потому сохранившими способность к нормальному человеческому восприятию бесчеловечного исторического действия. Основная тема романа – человек и война, ее разрушающее воздействие на личность и жизнь человека. Автор исторически правдиво и психологически убедительно воссоздает отношение к войне жителей небольшого пенсильванского городка, охваченных угаром военной патриотической истерии; выявляет мотивы их патриотической воинственности, показывая, что не всегда ими движет чистая любовь к Союзу штатов и стремление сохранить его любой ценой. У каждого при этом есть и свой маленький меркантильный расчет или психологическая причина, заставляющая их смотреть на свое участие в войне как на средство самоутверждения. Кэнтон выводит на авансцену действия героев, не приемлющих войну как средство решения политических проблем и оказывающих ей пассивное сопротивление, занимающих пацифистскую позицию, людей, для которых нет ничего ценнее человеческой жизни. Война показана в первую очередь их глазами и воспринимается как грубая безжалостная машина уничтожения, бьющая по всем без разбору. Впрочем, война действительно одинаково убивает, разрушает и тех, кто ей верно служит, и тех, кто ее ненавидит и отрицает. Сломанные судьбы героев романа, противостоящих войне /Дэн, Ирена, доктор Даффи/, за убийство жизни ее приверженцев /Эльи Хадлстона, Тая Фэннинга, сына адвоката Орката/, парадоксальные повороты сюжета призваны выразить философию истории Маккинли Кэнтора, его понимание Гражданской войны как трагедии страны и ее народа, как орудия разрушения человеческих судеб и личностей, как абсурда, превращающего в абсурд весь мир, не имеющего права на существование. В изображении войны, в ее отрицании автор придерживается традиции литературы «потерянного поколения».

В конце книги инстинктивный гуманизм героя терпит поражение – ему приходится вступить в схватку. Он идет на фронт, чтобы сражаться в армии Союза. Нельзя быть сторонним наблюдателем, когда вокруг бушует война. В этом смысле, к которому автор приводит своего героя, нельзя не увидеть отклик Кэнтора на первые победы фашизма и войну, которую он нес с собой. Своей гуманной идеей сопричастности человека всему, что происходит на Земле, и его ответственности за все Добро и Зло, творящееся там, М.Кэнтон опередил одно из вершинных достижений американской и мировой литературы 30-х годов – роман Э.Хемингуэя «По ком звонит колокол». Знаменательно, что второе переиздание книги в Соединенных Штатах относится к 1962 году, когда идеи гражданского служения снова завоевали популярность у критики и читающей публики.

Философия истории Аллена Херви, политическая идея и идеал которого – мир, средство их достижения – любовь, а война – любая, в том числе и Гражданская, – преступление против личности, результат интриг политиков, их неумения решить противоречия мирным путем, обусловили тему его романа, вынесенную в его заглавие, – «Битва при Аквиле» (1937). Битва при Аквиле была одним из самых незначительных событий Гражданской войны – отвлекающий маневр со стороны Конфедератов, призванный обмануть противника, чтобы суметь беспрепятственно отвести остаток войск к Ричмонду. Историки почти проигнорировали ее. «О ней едва ли знали достаточно хорошо, чтобы забыть, на нее просто сразу не обратили внимания» – с горечью подводит итог автор. Но сотни людей были убиты и искромсаны там, и потому для автора она не менее интересна, чем крупные сражения, решившие исход войны. Ненужное геройство и неоправданные жертвы – вот что такое, по мнению Аллена, эта битва, фрагмент маневра конницы в тот ноябрьский день, да и вся Гражданская война в целом, что он и подчеркивает всем ходом своего повествования, построением сюжета, расстановкой главных действующих лиц, выбором

героев и своеобразием типизации, лежащей в основе создания их образов. По одну сторону – политические силы и соображения, по другую – доброта, мужество людей, их любовь. Для выражения своей глубоко гуманной идеи о Войне и Мире автор создает характеры, отличающиеся приматом общечеловеческого, образы Мужчины и Женщины, которые в условиях беспредела войны ищут и находят пути к человечности, к торжеству, хотя бы в их жизнях, вечных ценностей. Спасение, по мысли автора, лежит вне политики, в сфере человеческих взаимоотношений. Предпоследняя глава романа называется «Нерушимый Союз» – идеологическое клише, бывшее в большом ходу на Севере до и во время Гражданской войны. Но речь в ней идет не о союзе штатов, во имя сохранения которого война и велась, а о союзе действительно нерушимом, союзе между северянином и южанкой, полюбившими друг друга и вместе сумевшими преодолеть смерть зимой в занесенном снегом домике в горах. Доброта, любовь, сочувствие, взаимопонимание сохраняют, по мысли автора, мир и жизнь, но не политика и война.

Философия истории автора определяет и конфликт в его романе. В «Битве при Аквиле» конфликт двойной. Менее значительный – внешний, проявляющийся в столкновении при Аквиле войск южан и северян, конфликт политический, военный. Но для выражения авторской идеи гораздо важнее конфликт внутренний, психологический – конфликт человека с войной и нетерпимостью, порожденной ею, выражающийся в неприятии героями жестокости войны и человеконенавистнической идеологии, являющейся ее следствием. По сути дела, «другого» нет в этом романе о Гражданской войне.

Как и в «Долго помнить», главные герои «Битвы при Аквиле», являющиеся носителями авторского мировоззрения, воплощают в своих характерах и судьбах философию истории автора. Идея истории находит воплощение в этих романах в образах второстепенных и трюкестепенных персонажей, охваченных милитаристским угаром, воспламененных кровавадной ненавистью к противнику, не осознающих за вполне справедливыми политическими лозунгами губительную суть братоубийственной бойни. Но логика истории и ее осмысление автором приводят их к губительному концу. Раненые в битве при Аквиле Фафа и Поль умирают в объятиях друг друга, хотя они и принадлежали к враждующим лагерям. Поль с горечью говорит «... они не должны были сделать это с нами». Автор заключает эмоционально сильную сцену их гибели словами: «тела Уильяма Фафа и Поля Криттендена смерзли. Никто не мог бы сказать сейчас, к какому лагерю они принадлежали. Они умерли, стараясь согреть друг друга. Мирно.»⁹ Гибель этих юношей в романе символизирует не только жестокость войны, убивающей детей, но и безысходность подобной жизненной позиции и путей решения болевых политических вопросов.

Как ни парадоксально, в сцене битвы при Аквиле нет военных героев. Во время жестокой бойни подлинными героями, по мысли автора, являются те, кто уничтожает друг друга, хотя и во имя высокой цели, а те, кто пытается спасти людей, кем движут доброта и любовь: доктора Хольцмайер и Уилсон, хотя и принадлежащие к противоборствующим сторонам, но оперирующие на рядом поставленных столах как своих, так и чужих; поспешившая к ним на помощь миссис Криттенден; Маргарет Криттенден и Флосси, пустившиеся снежной ночью разыскивать на поле брани своих любимых.

Политическая идея автора ни в какой мере не направлена на развал Союза. Герой романа полковник Франклин, размышляя об опустошении, причиненном пограничным штатам годами войны, о расколе Вирджинии на два штата и о войне между этими двумя половинками, восклицает: «И, однако, пока связи федерального союза только ослабли. Что же будет, когда их не станет? Когда каждый штат станет суверенным, чтобы вредить друг другу?»¹⁰ Авторская роль, выражающаяся в слиянии с мировоззрением героя в этой сцене, позволяет нам очень точно определить его собственную позицию. Автор романа безоговорочно за союз штатов, но обеспечить существование союза следовало иным, не военным, путем. По-своему откликаюсь на идею мессианской роли США, присущую официальной идеологии и массовому сознанию, ставшую одним из краеугольных камней национальной мифологии, Аллен видит ее в том, что его стране следует стать оплотом мира во всем мире: «Эти благословенные вздымающиеся одна за другой горы качали колыбель новой, наверное, лучшей расы – североамериканцев. А надеждой этой расы был мир. Потому что, если что-то и было в Америке «нового и лучшего», так это надежда на мир – мир на более надежном, широком, континентальном уровне, которого когда-либо удавалось достичь»¹¹.

Аллен не признает исторически прогрессивное значение Гражданской войны и победы Севера, что особенно ярко демонстрирует эпилог романа. В нем почти 80-летний герой приезжает в Филадельфию и присутствует на проводах добровольцев на Испанскую войну. Воинственный патриотизм и напыщенные речи напоминают ему аналогичные мероприятия в дни его зрелости (Гражданская война) и юности (Мексиканская война). С едким сарказмом высмеивает он политиканов, замыкающих торжественную процессию, сравнивая их с проституткой времен Гражданской войны, которая со своим борделем стремилась не отстать от маневрировавших частей, объясняя свою расторопность патриотическими мотивами – тем, что она «следует за флагом». Они тоже «следуют за флагом», составляя, по горькому замечанию автора, «похоронную процессию республики». Аллен считает, что вопрос о рабстве был второстепенным вопросом Гражданской войны, основное же ее содержание составляла борьба за власть (поэтому никогда не поднимает эту тему в романе), Гражданская война, по его мнению, развязала руки

⁹ Allen H. Action at Aquila. – N. Y., 1938. – P. 310.

¹⁰ Allen H. Op. cit. – P. 73.

¹¹ Ibid. – P. 72–73.

федеральному правительству, многократно усилив его, и таким образом положила начало эпохе агрессивного внешнеполитического курса, направленного на захват все новых и новых территорий, эпохе нескончаемых колониальных войн. Поэтому он ставит Гражданскую войну в один ряд с другими захватническими войнами.

Неприятие войны, любой войны Х. Алленом позволяет увидеть в его книге продолжение традиций и этического заряда литературы «потерянного поколения». В то же время, написанный в 1937 году, исторический роман Аллена стал своеобразным откликом на захватнические войны, которые вели фашистские государства, и протестом против милитаристской, агрессивной сущности внешнеполитического курса Соединенных Штатов и их военно-промышленного комплекса, в чем нельзя не видеть результат влияния «красных 30-х».

Следует отметить, что при всей конкретике своего изображения Гражданская война приобретет в американском историческом романе 20-30-х годов абстрактно – символический смысл, осмысливается не как явление конкретно – исторического контекста, а как война вообще. Главный же вопрос войны – проблема рабства – вообще старательно избегается историческими романистами.

Рассмотренные романы о Гражданской войне принадлежали перу писателей-северян. Вполне естественно, что тема Гражданской войны активно осваивается и историческим романом Юга, в котором, однако же, на первый план выдвигается совсем иная проблематика. Еще в 80-90-е годы в южном романе наметились два подхода к художественной интерпретации этой темы: критический и мифотворческий. Первый из них, наиболее выразительно представленный историческими романами Д. В. Кейбла, основывался на отрицании традиционных южных ценностей через разработку тем рабства и белой бедноты на Юге. Мифотворческий подход проявился в исторических романах, рисующих гармоничное социально уравновешенное южное общество довоенной поры, белые и черные члены которого живут единой семьей, разрушенное войной и развращенное наглыми меркантильными яки, установившими на Юге культ прагматизма и аморальной наживы (романы Т. Н. Пейджа).

Либеральное и консервативное течения политической мысли, либеральная и консервативная традиции определяли жизнь США с момента основания колоний. Само собой разумеется, они оказали большое влияние и на развитие художественной литературы, в первую очередь, исторического романа, в котором это размежевание присутствовало всегда. Проявилось оно и в историческом романе, посвященном Войне за независимость. Именно в нем нашли воплощение различные историографические концепции, либеральные и консервативные, относительно истинного характера Войны за независимость.

Однако еще выразительнее консервативная традиция проявила себя в историческом романе о Гражданской войне. « У нас наступает великая консервативная реакция»¹², – заявил в 1863г. накануне битвы под Геттисбергом Джордж Фитцхью из Вирджинии. Первая Американская революция, доказывал он, была лишь «реформой». Но «революция 1861г... явилась политическим переворотом, который в конце концов потрясет мир. Американские южане, начавшие примерно в 1830г. порывать со своим джефферсоновским прошлым, воспроизвели все основные моменты аргументации европейской феодальной реакции»¹³, – отмечает в книге «Либеральная традиция в Америке» Луис Харц. Их политическое мышление облеклось в термины «консервативного принципа» (понятие, принадлежащее Фитцхью), «феодального социализма» – термин Маркса, применявшего его в отношении движения «Молодая Англия», которое оказало сильное влияние на мышление южан перед Гражданской войной. Исторический парадокс состоял в том, что «нация, сформировавшаяся по либеральному образцу и без феодализма, разрушенного этим либерализмом, бросив вдруг ему вызов, начала вырабатывать философию феодального мира, которого она никогда не знала»¹⁴. Этот момент прекрасно отразили исторические романисты. Так, М. Шаара в романе «Ангелы-убийцы», выводит персонаж, англичанина Фриментла, находящегося в рядах армии Конфедерации в качестве военного наблюдателя Короны и прекрасно понимающего, что причина войны – во внутреннем несходстве демократического Севера, развивающегося на принципиально новой экономической, социальной и культурной основе, которую он кратко характеризует как «равенство сброда», и Юга, возродившего жизнь и нравы феодальной Европы: « Юг и есть Старый Свет. Они не покидали Европу. Они просто пересадили ее на новое место, и из-за этого и идет война»¹⁵. Образы рыцарей отошедших времен, отправляющихся в новый Крестовый поход, теней прошлого, создаваемые автором для характеристики воинов-конфедератов, усиливают эту мысль и прекрасно передают его историческую концепцию разных экономических и политических укладов, пришедших в противоречие в рамках одной страны.

Консервативная традиция в мышлении южан и породила впоследствии «южный миф». В великих романах, принадлежащих «южной школе», отразилась система консервативных ценностей южного общества.

«Южный миф» окончательно сформировался и обрел конкретное социально-политическое выражение в 20-е годы в деятельности «фьюджитивистов» (Д. Дэвидсон, А. Тейт, Р.П. Уоррен, Д. Рэнсон), в книге-

¹² Луис Харц. Либеральная традиция в Америке. – М.: «Прогресс-академия», 1993. – С. 137.

¹³ Луис Харц. Цит. раб. – С. 138.

¹⁴ Там же, с. 141.

¹⁵ Shaara M. The Killer Angels. – N. Y., 1974. – P. 93.

манифесте нэшвиллской группы «Вот моя позиция» (1930). Общественное сознание Юга, в недрах которого он созревал, было к 20-м годам готово к его жадному усвоению.

После 1865 года в сознании южан произошла коренная ломка – на глазах рушилось то, что казалось вечным, незабываемым; освобождение рабов, коренное изменение экономического, политического и культурного укладов жизни, формирование буржуазных общественных отношений не только разорили бывших плантаторов, но и бросали вызов устоявшейся системе нравственных ценностей, заставляли ради выживания отречься от нее. Росло осознание неизбежности гибели режима, его исторической обреченности. Однако, как ни парадоксально, эти же самые факторы способствовали возрождению «легенды о Юге», «южного мифа» – отодвигаемый в прошлое старый уклад приобретал особое очарование, виделся в некой романтической дымке, вызывая острую ностальгию. Поражение в войне, легенды о безумной храбрости солдат Конфедерации, ощущение фатальности конца породили комплекс «проигранного Дела», заставили говорить о «проклятье Юга».

В то же время перед лицом опасности с Севера южане осознали себя как особую, отдельную часть нации. Вот тогда-то на Юге возникла своя большая литература, представленная У.Фолкнером, Т.Вулфом, Р.П.Уорреном, Ф.О'Коннор, К.Маккалерс, К.Э.Портер; начинается пора «южного ренессанса». Она возникает именно как реакция на те новые явления, которые повлекла за собой война Севера и Юга. «Южный мир» становится ее основой, ее неотъемлемой частью. Он состоит из следующих элементов: бывшее величие Юга, утонченность и благородство южных джентльменов, миф о гордой южной красавице и идиллические патриархальные отношения между черными рабами, преданными до последнего вздоха своим добрым, заботливым и любящим белым хозяевам.

Основой «южного мифа» является неприятие буржуазных общественных отношений, буржуазного образа жизни. Однако не все писатели «южной школы» воспринимают «южный миф» одинаково. Здесь прослеживаются два противоположных подхода. В одном случае «южный миф» усваивается писателем полностью, почти без какой-либо критической переработки. Для Фолкера, Вулфа, О'Коннора, Уоррена, Маккалерс, Портера и некоторых других писателей характерно более критическое восприятие «южного мифа», и особенно той его части, которая касается идиллических представлений об отношениях черных рабов и их белых хозяев. Этими писателями переосмысливается понимание «проклятья Юга», которое под пером У.Фолкера, К.Маккалерс, Р.П.Уоррена видится уже в системе рабовладения, искалечившей судьбы рабов и души рабовладельцев, вызвавшей распад личностей последних, в комплексе исторической вины, под бременем которой принуждены жить белые на Юге, которая и сейчас определяет их судьбы. Именно так следует понимать прекрасный образ Фолкера настаивавшего на том, что «каждый белый на Юге рождается распятым на черном кресте».

Из традиций «южной школы», из «южного мифа» родился и роман М.Митчелл «Унесенные ветром» /1936/, интересный, во-первых, сочетанием трезвого аналитического исследования опыта Гражданской войны и ее последствий для Юга и следованием «южному мифу»; и, во-вторых, той доселе невиданной популярностью, которую этот исторический роман обрел мгновенно. В первый же день продажи романа разошлись 50 тысяч экземпляров – невиданная для США 1936 года цифра! В мае 1937 года роман поручил Пулитцеровскую премию. Впервые бестселлером становится роман исторический.

Маргарет Митчелл родилась в Атланте в 1900 году, ее детство и юность прошли в атмосфере постоянных воспоминаний о Гражданской войне ее бывших ветеранов, друзей дома и знакомых. Бабушка будущей писательницы жившая в своем поместье недалеко от городка Джонсборо с двумя ее сестрами, чудом спаслась бегством из Атланты перед захватом города армией Шермана. Её поместье послужило прообразом столь дорогой сердцу героини романа Тары. Маргарет с детства усвоила «южный взгляд» на исторические события, перевернувшие жизнь края полвека назад – на Гражданскую войну и так называемый период Реконструкции.

Как и все писатели «южной школы», Митчелл в своей книге тоже опирается на «южный миф», но, следуя ему, осмысливает его исторически, а потому созданная ею история Юга взрывает миф, разрушая многие его стереотипы, верна не мифу, но правде жизни. Бывшее величие Юга? Разве что нравственное. Неумолимый реалист Ретт Батлер, еще до войны превратившийся в «паршивую овцу» высоконравственного южного общества, предупреждает своих сограждан: «Задумывался ли кто-нибудь из вас, джентльмены, над тем, что к югу от железнодорожной линии Мейкон-Диксон нет ни одного оружейного завода? Или над тем, как вообще мало литейных заводов на Юге? Так же, как и ткацких фабрик, и шерстопрядильных и кожевенных предприятий? Задумывались вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка?... На Севере... Я видел тысячи иммигрантов, готовых за кусок хлеба и несколько долларов сражаться на стороне янки, я видел заводы, фабрики, верфи, рудники и угольные копи – все то, чего у нас нет. А у нас есть только хлопок, рабы и спесь. Это не мы их, а они нас разобьют в один месяц»¹⁶.

Один из тезисов мифа – утонченность и благородство южных джентльменов. Героям книги присущи скорее внешний блеск манер, безграничная спесь, снобизм и безудержное желание разделаться со всяким, кто может стать на пути высокогородного аристократа: от соперника по предмету нежных чувств до армии янки. Лучший представитель мира южного рыцарства, Эшли Уилкс, – фигура трагическая. Это человек

¹⁶ Митчелл М. Унесенные ветром. – Минск, 1991. – С.150-151.

достаточно высокого интеллектуального уровня, чтобы понять, что его историческое время прошло, что он – из последних могикан уходящей эпохи, и потому страшщийся реальной жизни и избегающий её. Скарлетт не так уж неправа, называя его в запальчивости трусом. Эшли прекрасно знает истинную цену миру южных плантаций и войне, и создает свой искусственный мир, в котором были «... и прелесть, и совершенство, и идеал, и симметрия, как в греческом искусстве». Естественно, этот представитель старого Юга никогда не сможет приспособиться к изменившемуся миру, в котором правят бал вульгарные нувориши и где главное – умение делать деньги, неважно, какой ценой. Это о нем, в первую очередь, и подобных ему говорит название романа – «Унесенные ветром», ветром истории, строка из поэмы Эрнеста Досуна, подсказанная последнему Горацием.

Митчелл показывает, как на развалинах старого мира, мира плантаций, рабства и утонченных аристократов возникает новый мир, мир буржуазных отношений и ценностей. Те, кто не могут к нему приспособиться, идут на дно, их удел – нищета, пусть и гордая, жизнь в прошлом, отсутствие перспектив. Наиболее жизнеспособные, не обремененные путами нравственных догм /а скорее, сбросившие их с себя, чтобы выжить/, приспособляются, адаптируются к новому миру. Этот объективный исторический процесс отражен в книге посредством образов Скарлетт и Ретта Батлера. «Гордая южная красавица» мифа, каковой можно считать Скарлетт на протяжении первой трети книги, легко выскальзывает из кокона мифологической структуры и превращается в реальную женщину, готовую оружием новой эпохи бороться за свое выживание и за Тару. Процесс обуржуазивания Юга, воплощенный в образе и судьбе героини, сделал ее имя нарицательным. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, применительно к процессу развития буржуазных отношений на Юге, применил термин «скарлеттизм». Гораздо раньше Скарлетт, и еще более решительно, чем она, порывает с нравственными догмами Юга Ретт Батлер. Во время войны прославленный контрабандист, он цинично признается Скарлетт, что им движут далеко не патриотические порывы, что он наживает свой капитал на крушении империи. Спекулянт, удачливый и расчетливый предприниматель и политик, Ретт прекрасно вписывается в жизнь послевоенного Юга, как и Скарлетт, и процветает. Впрочем, у их истории не может быть счастливого конца. Как и другие писатели «южной школы», Маргарет Митчелл не приемлет буржуазных форм жизни для Юга, но её критика нового общественного уклада, как и у писателей-романтиков Эдгара По, Германа Мелвилла, Натаниеля Готорна и других лежит не в социальной, а в нравственной сфере.

Как писатель-реалист, верный правде жизни, почувствовавший направление исторического процесса, Митчелл правдиво, в ярких убедительных художественных образах воссоздала историю старого Юга периода Гражданской войны и Реконструкции: как писатель «южной школы», как истая южанка, она не могла, показав объективную победу новых экономических форм жизни, не вынести ей нравственный приговор, не показать ее нравственную обреченность, – историей крушения любви Скарлетт и Ретта.

И лишь в одном аспекте своего романа М.Митчелл не отошла от «южного мифа»: в изображении взаимоотношений черных рабов и белых плантаторов на Юге, в оценке исторической роли освобождения рабов, не только разорившего белых плантаторов, но и, по ее мнению, достаточно четко выраженному в романе, сделавшего несчастными, разорившего бывших черных невольников, столь счастливых до войны. Отсюда – патерналистский подход к проблеме рабства, апология ку-клукс-клана в романе. Образы негров-рабов, ленивых, глупых, хвастливых, зараженных сословными предрассудками более своих хозяев взяты Маргарет Митчелл из мифа, из традиции их изображения в «южном романе», а не из жизни. Впрочем, и здесь Митчелл-художник переступает через ограниченность взглядов Митчелл-южанки. Образы Мамушки и дядюшки Питера выделяются на этом фоне. Но эти герои, честные, мужественные, самостоятельные, с большим чувством собственного достоинства, черпают свою силу не в контакте с миссис Эллин или бесхарактерной мисс Питти-пэт, а в нравственных и духовных традициях своего народа. Образ Мамушки удивительно напоминает образ негритянки Дилси из фолкнеровского романа «Шум и ярость», той самой, усилиями которой еще как-то держится дом Компсонов и которая в конце романа произносит значительную фразу из Библии: «Я видела первии и вижу последнии», фразу, которая, в романе Фолкнера подводит черту под историей старого плантаторского рода. В романе Маргарет Митчелл эти негры, вместе со Скарлетт, тоже, образно говоря, переживут всех, выживут, только Скарлетт – ценой потери всех нравственных ценностей, а негры – сохранив их.

Роман М.Митчелл, благодаря своей популярности, внес большой вклад в разрушение «южного мифа» в литературе Юга, в его общественном сознании.

У.А.Бек отмечает, что большинство американцев узнавало об истории Юга времен Гражданской войны и Реконструкции из романа М.Митчелл, а не из многочисленных томов исторических исследований на эту тему¹⁷.

Фред Б.Миллет считает, что своим сенсационным успехом роман Митчелл обязан в первую очередь тем, что впервые Гражданская война была увидена глазами женщины, что придало ему свежесть и эмоциональную напряженность, редкие в романах на эту тему. Действительно, идея истории в романе, слагающаяся из многих мироощущений и мировосприятий, по большей части женских, представляет пеструю картину разнообразных побуждений, мотивов, верований, убеждений, от слепой веры в Правое Дело и стоической готовности быть верным ему до конца; сомнений рефлектирующего сознания, при

¹⁷ Beck W. Understanding American History through Fiction. – N. Y., 1970. – P. 9.

которых только кодекс чести джентльмена и невозможность иного выбора заставляют служить ему; до циничного безразличия к Правому Делу, осознания его обреченности и стремления сделать состояние на крушении цивилизации являет собой тщательно выписанный интеллектуальный и духовный портрет южного общества на определенной ступени его развития.

Творчество Уильяма Фолкнера, крупнейшего представителя «южной школы», посвящено исследованию «южного мифа», его соответствия исторической правде и художественному анализу последствий Гражданской войны для послевоенной судьбы Юга. К непосредственному изображению Гражданской войны Фолкнер обращается в двух исторических романах: «Авессалом, Авессалом!» и «Непобежденные».

«Авессалом, Авессалом!» – это метафорический исторический роман, основанный на мифологеме, на библейской легенде об убийстве Авессаломом своего брата, обесчестившего их сестру Фамарь, и о горе отца их Давида в связи с последующей трагической гибелью Авессалома. Эта связь романа с библейской легендой настолько очевидна, что, привлекая внимание всех критиков романа, не позволила им заметить значительных расхождений, существующих между романом Фолкнера и легендой, расхождений, которые, на наш взгляд, должны были четче выразить идейный замысел писателя. Генри Сатпен убивает своего друга и брата не потому, что тот собирался жениться на его (их общей!) сестре, с этим он к концу войны уже примирился. Он убивает его, узнав, что в жилах Чарльза Бона, его сводного брата, есть негритянская кровь; осквернение расы для него страшнее греха кровосмешения. Он не поднимает восстания против своего отца, как библейский Авессалом, наоборот, он свято выполняет его завет – любой ценой не допустить этот брак. Томас Сатпен, потеряв единственного сына, которого он признавал, не восклицает в горе «Авессалом, Авессалом!» (это восклицание, ставшее заглавием романа, вырывается скорее всего у автора, размышляющего над проклятием расовой нетерпимости, погубившей весь род, сделавшей чистого преданного юношу, брата и друга, братоубийцей и изгоем, ставшего при иной горя и одиночества его сестры, ее не освященного алтарем вдовства. Томас Сатпен до конца одержим маниакальной идеей оставить продолжателя своего рода на своей земле, и следование этой идее не только делает несчастным окружающих его, но и приводит его в конце концов к гибели, ибо «сама земля ... от него устала, возмутилась против него и его уничтожила». Нарушение мифологемы, а не детальное следование ей, сильнее выражает главную мысль романа о проклятии и греховности рабства, равно уничтожающего и калечащего судьбы как черных, так и белых на Юге, греховности расовых предрассудков. Грех рабства и расовой дискриминации в глазах Фолкнера затмевает даже грех кровосмешения – один из самых страшных смертных грехов христианской морали.

Роман У. Фолкнера «Непобежденные» считается наименее удачным, и потому нечасто обращает на себя внимание литературоведов.

Значителен сам по себе импульс Фолкнера, заставивший его в конце 1936 года вернуться к циклу журнальных рассказов, писанных скорее для поправки материального положения, с целью превращения их в роман, исторический роман. В «Непобежденных» Фолкнер остался верен самому себе, своей постоянной теме – йокнапатофской саге, проблеме старого Юга в его извечной борьбе с Севером, разработке «южного мифа».

Как справедливо отметил Л.Н.Николюкин в своем всестороннем исследовании творчества Фолкнера¹⁸, Гражданская война для писателя сохранила притягательность легенды. И для этого романа о Гражданской войне Фолкнер выбирает художественную форму, призванную подчеркнуть мифологический дух романа, нереальность описываемых в нем событий – форму авантюрного романа. События «Непобежденных» как бы приподняты над плоскостью реальной действительности, невозможны в суеде обычной будничной жизни.

Старая леди с достоинством отражает нашествие целого полка северян на свой дом и спасает двух подростков, спрятавшихся под ее юбкой, от расправы за нападение (вдвоем – с одним старым ружьем) на этот самый полк из засады. Джон Сарторис с двумя подростками берет в плен целый отряд северян, а затем благополучно убывает из усадьбы, занятой янки, под самым носом у противника, давно охотящегося за ним. Бабушка с двумя подростками, белым и черным, отправляется в путь по выжженному тылу северян вдогонку за головным отрядом полковника Дика, чтобы восстановить свою маленькую историческую справедливость – вернуть похищенное у нее столовое серебро, мулов и двух негров; едва спасается из реки, над которой на ее глазах взорвали мост с людьми, из водоворота тонущих людей и лошадей, добирается-таки до полковника и получает от него во много раз больше того, чем у нее отняли, а затем, честнейшая женщина, считающая ложь одним из самых страшных грехов перед Богом, подделывает бланки приказов Армии Севера и совершает с ними многочисленные рейды в лагеря северян, передавая деньги наиболее нуждающимся окрестным фермерам. Двое пятнадцатилетних подростков отправляются вдогонку за бандой, терроризирующей край, настигают ее через месяцы неустанных преследований и убивают ее главаря, мстя за смерть бабушки. Юная девушка из аристократического семейства, жениха которой убило на войне, бежит из дома, присоединяется к отряду южан и в течение года воюет вместе с ними, самым естественным (для нее) образом забывая в день свадьбы обручиться с женихом, потому что для обоих самое главное – сорвать федеральные выборы.

¹⁸ Николюкин А. Н. Человек выстоит: Реализм Фолкнера. – М., 1988.

Роман проникнут духом несмирения с поражением, пафосом духовной силы, стойкости и непокорства южан перед лицом грядущей, а затем и свершившейся катастрофы. Его персонажи сродни другим героям писателя, представляют еще одну вариацию его типологического героя, не принимающего поражения, даже когда оно очевидно, продолжающего борьбу и часто – неожиданно для всех противостоящих ему сил Вселенной – выходящего из этого противоборства победителем. Таковы Джон Сарторис, несдавшийся защитник Старого Юга, мечтающий возродить его, повернуть историю вспять. Роза Миллард, старая южная леди, способная на ложь, подлог, мошенничество ради спасения не только собственного внука и его чернокожего молочного брата, но и края в целом; Друзилла, Ринго, Бак Маккаслин и даже, по-своему, джефферсоновские леди, готовые на все ради восстановления приличий и норм жизни Старого Юга. Не хотят они принимать в расчет того, что война, перевернувшая судьбу края, опустошила и изменила души людей, что Друзилла, потерявшая жениха, сбегавшая во исполнение святой мести на войну и год прослужившая простым солдатом в отряде Джона Сарториса, уж и не женщина больше, а солдат – ничего женского не осталось в ее душе. Для них она – только молодая девушка, живущая в доме мужчины-родственника, и, значит, единственное, что может восстановить ее доброе имя и честь ее семейства – брак с ним. Недаром Фолкнер сравнивает их с бойцами отряда Сарториса – они тоже, по-своему, сражаются против пришельцев с Севера и новых нравственно-правовых норм, принесенных ими.

Символом и высшим выражением этого духа несломленного сопротивления, несмирения с поражением становится в романе поединок двух паровозов – паровоза южан, осуществляющего бросок через занятую врагом территорию к линии фронта, и догоняющего, но так и не догнавшего его паровоза северян. Никакой стратегической военной цели этот пробег не преследовал. Даже успешный прогон сотни многовагонных составов не смог бы улучшить положение, изменить развязку борьбы, замечает Фолкнер. «Тут замышлялся как бы поединок двух железных стародавних рыцарей, не военного успеха ради, а из принципа – честь против чести, храбрость против храбрости, – не для материальной цели, а подвиг ради подвига – последнее решительное испытание духа, доказывающее лишь финальность смерти и тщету всякого усилия...»¹⁹. И значение его в том, что оно живо, «покуда живы побежденные или отомки побежденных, чтобы поведать, чтобы выслушать»²⁰.

На первый взгляд кажется, что Фолкнер в своем романе разрабатывает тезисы «южного мифа» о благородстве и утонченности южных джентльменов и о единственном гармоничном сообществе белых и черных, которое являл собой довоенный Юг. Более пристальное прочтение романа позволяет увидеть истинный смысл, которым наполнены привычные стереотипы, превращающий их в собственных антиподов. Благородство, честность, душевная утонченность, по Фолкнеру, не являются неотъемлемыми качествами южан, так же, как и бездушие, прагматизм, личность и жестокость не обязательно отличают пришельцев с Севера. Лучшими нравственными качествами обладает полковник армии Севера Дик, пожалевший не только двух подростков, напавших на его отряд из засады, но и их бабушку, старую леди, вынужденную лгать во имя спасения детей, помогающей ей сохранить чувство собственного достоинства, а впоследствии многократно компенсировавший ей материальные потери, нанесенные войной. Многочисленные рейды Розы Миллард по военным лагерям, конфискация ею по подложным ордерам мулов армии Севера принесли ей разве что малопримечательное столкновение с лейтенантом-янки; пасть же ей было суждено от руки разбойника-южанина, промышлявшего разбоем и грабежами своих соотечественников и не погнушавшегося убийством старой леди. Дик и Об Сноупс, готовый продать кого угодно за деньги, ставший причиной смерти Розы Миллард – южанин, подвизавшийся одно время при войске конфедератов. Однако наиболее четко оппозиция «южному мифу» выражена в последней главе романа – «Запах вербены», имеющей особое идейно-композиционное значение в структуре романа. «Запах вербены» была написана Фолкнером летом 1937 года, после того, как разрозненные новеллы, составившие «Непобежденных», были переработаны им в роман, и, значит, была необходима писателю для придания смысловой и идейной целостности его роману. Она дает возможность переосмысления ценности и красоты идеалов, за которые боролись южане и которые и помогли им остаться «непобежденными». В этой новелле главным героем становится Баярд Сарторис, от лица которого ведется повествование в романе. Выросший Баярд, семь лет назад яростно преследовавший Грамби, убивший его и изуродовавший его труп, приколотивший правую руку убийцы к кресту на могиле бабушки, переосмысливает подвиги своего отца и его намерение возродить Юг, потому что во исполнение своей грезы отец пролил слишком много крови. Друзилла, ставшая женой его отца и полностью разделяющая взгляды мужа, пытается объяснить Баярду, что «греза – вещь для окружающих небезопасная... Она как заряженный револьвер на боевом взводе: рано или поздно выстрелит и кого-нибудь да заденет. Но настоящая греза стоит того. Не так уж много грез на свете, а народу хватает. Одним или дюжиной меньше...»²¹. Но Баярд уже не может примириться с такой ценой, заплаченной за туманное будущее «счастье» края. И когда его отца убивает постоянно оскорбляемый им бывший компаньон, а кодекс чести южного джентльмена требует от сына убийства убийцы, Баярд предпочитает убийству потерю любимой женщины и риск быть убитым. Приведя своего героя к осуждению насилия, к отказу от него как средства решения проблем, в том числе и политических, Фолкнер своим романом внес вклад в разработку одной из

¹⁹ Фолкнер У. Собр. соч. в 6 т. – т. 3. – М., 1986. – С. 67.

²⁰ Там же. – С. 68.

²¹ Фолкнер У. Собр. соч. в 6 т. – т. 3. – М., 1986. – С. 148.

центральных тем американской литературы XX века – темы осуждения ортодоксальной идеи, требующей для своего воплощения человеческие жертвы, темы неприятия насилия над личностью, приоритета и первостепенной ценности человеческой жизни и свободы.

Характеры негров, изображенные в романе, вроде бы в основном соответствуют стереотипам «южного мифа». Но не все. Историзм Фолкнера как автора исторического романа и проявился в выявлении исторически верной тенденции развития событий, исторического процесса, которой подчинено изображение описанного в романе. Дух неминуемого поражения, обреченности Юга проникает весь роман, возникает в первых же строчках его, рассказывающих о том, как два подростка самозабвенно разыгрывают Вискбергскую битву, неукоснительно исполняют «обряд яростного и победоносного сражения, отгородясь им, точно занавесом и щитом, от роковой реальности, от факта»²². Фолкнер указывает и на причины, предопределившие поражение Юга, его изначальную нравственную неправоту в столкновении с Севером, заключающуюся в системе рабства. Так на первых же страницах романа рядом с образами негров, неотъемлемо, душой и телом, принадлежащих Сарторисам: Ринго, называющего белую хозяйку бабушкой, Лувинии, Джоби, возникает образ Луша, который уходит в поисках свободы с отрядом янки, яростно крича при этом: «Меня освободили. Я больше не принадлежу Джону Сарторису; я принадлежу себе и Богу... А бог его спросит, кто ему дал право меня подневолить»²³. Символом порыва негров к свободе, "тяги, уже бурно охватившей его народ, – этот порыв безотчетный и темный... и влекущий вслед за иллюзией, грезой, яркой и расплывчато-неясной»²⁴, стал в романе поток негров, устремляющихся к реке в поисках библейского Иордана, за которым – обещанная свобода; поток людей, отравленных наркотиком свободы, в полурелигиозном трансе не замечающих потери жен. детей, стариков-родителей по мере движения потока, голода, объятых одним желанием -- добиться свободы, готовых погибнуть в реке на пути к ней.

30-е годы XX века отмечены усилением интереса к эпохе Революции и Войны за независимость в развитии американского исторического романа. И Э. Лейси и Э. Уагенкнехт (65) объясняют возрождение интереса к этой теме, с которой, кстати, и началось развитие американского исторического романа около сотни лет назад, атмосферой Великой Депрессии, породившей, с одной стороны, настроения эскейпизма, а с другой – настоятельную потребность вернуться к «Камню, из которого мы были вытесаны», подвергнуть анализу фундаментальные принципы, на которых основывалось мышление и образ жизни американцев со времени основания нации, чтобы, вдохновившись героическим историческим опытом, легче пережить нынешние тяжелые времена. Представляет интерес, в свете дальнейшей, послевоенной, интерпретации темы Революции в историческом романе США, замечание Уагенкнехта о том, что в 30-е годы целью исследований этой темы историческими романистами было «просвещение, а не развенчание устоев»²⁵.

Возврат к теме Войны за независимость в американском историческом романе наметился еще в 1925 году, с выходом в свет прекрасного романа Джеймса Бойда «Барабаны», на который широкая читающая публика, к сожалению, не обратила внимания. Возражение темы Революции в американском историческом романе межвоенного десятилетия можно датировать 1930 годом – годом публикации романа Роберта Кеннета «Эрандел». Эта книга, вместе со своим продолжением «Вооруженный сброд» (1933), была первым историческим романом о Войне за независимость, завоевавшим огромную популярность. Неувядаемый успех «Эранделу» и «Вооруженному сброду» принесли мастерство повествователя, совмещающего захватывающее действие с точностью воссоздания исторической детали, что придает романам Роберта эффект исторической достоверности. Увлекательность повествования отодвинула на второй план для широкого читателя несколько, мягко говоря, нетрадиционную концепцию американской Революции. Независимость американского национального характера герой-рассказчик, за которым стоит автор, и которому он в романе доверяет выразить свою позицию, сводит к известному духу противоречия или упрямству. Автор с презрением относится к Сыновьям свободы, собравшим весь городской сброд, иронизирует над их борьбой против налогов, учитывая, что сами они были неимущими, и объясняет их готовность бороться против англичан стремлением досадить отечественным купцам. Революцию породила, по мнению Роберта, анти-английская истерия, быстро охватившая широкие слои населения. Автор высмеивает революционный энтузиазм, отрицает существование высоких идеалов у восставших против английского владычества, и видит побудительные силы революции в стремлении к увеличению прибылей у богатых купцов и к сведению счетов с имущими, а также к надежде что-то урвать для себя, у люмпенов. Подобная историческая концепция Роберта делает закономерным появление его третьего романа о Революции – «Оливер Уизуел» (1940), представляющего показ Американской революции с точки зрения лоялиста.

Подобная философия истории американской революции была нехарактерна для исторического романа 30-х годов. Более общепринята та ее концепция, которая получила развитие в выдающемся историческом романе У.Эдмондса «Барабаны над Могавком» /1937/. Интересно отметить, что успех этого романа, возглавившего список бестселлеров 1937 года, напрямую связан с сенсационной популярностью «Унесенных ветром», романом, открывшим дорогу американскому историческому роману к самой широкой

²² Фолкнер У. Собр. соч. в 6 т. – Т. 3. – М., 1986. – С. 7.

²³ Фолкнер У. Собр. соч. в 6 т. – Т. 3. – М., 1986. – С. 52.

²⁴ Там же. – С. 56.

²⁵ Wagenknecht E. Cavalcade of the American Novel from the Birth of the Nation to the Middle of the 20-th Century. – N. Y., 1952. – P. 426.

аудитории и способствовавшим утверждению, узаконению исторического романа как жанра в американской литературе.

Созданный в самый разгар Великой Депрессии и наступления фашизма по всему фронту, роман Эдмондса был призван вдохнуть в американцев мужество и уверенность в победе над тяжелыми жизненными обстоятельствами напоминанием о мужестве и стойкости их предков, отстаивавших свою землю и право на свободу в сходных, по мнению автора, но еще более драматичных, исторических условиях. У.Эдмондс так объясняет свой выбор темы: «Прошлое, изображенное в романе, совсем не кажется мне прошлым. Параллель с нашей жизнью самоочевидна. Люди долины /Могавка – Т.К./ противостояли безрассудному Конгрессу и расстроенной финансовой системе, неизбежными последствиями чего были нищета и настоящий голод. Шаги, предпринятые ими, последовали с автоматической неизбежностью. Обращение за помощью, помощь оказана не была, и тогда пришло понимание, что человек, чтобы выжить, должен постоять сам за себя... Они пережили паралич жалкой зависимости от центрального правительства, абсолютно неспособного решить локальную проблему. И тогда, ... эти люди собрали все свое мужество и поднялись на борьбу за свою жизнь и будущее. В схватке с численно превосходящими, прекрасно экипированными и обученными войсками эти фермеры одержали победу в последней битве долгой войны, сохранили свои дома и заложили основу великого и сильного общества»²⁶.

Художественная задача, поставленная автором перед собой, определила пафос его романа, пафос прославления героической борьбы народа, поднявшегося на борьбу за свою землю и свои права. Этот пафос нашел выражение не только в философии истории Эдмондса, заключенной в романе, но и в идее истории, воссозданной в нем. Эдмондс показывает, насколько в начале Войны за независимость его героям, простым фермерам, безразличны идеалы Революции и насколько мало они осведомлены о том, что происходит в стране. «Простой фермер, у которого мысли заняты сеном и пшеницей, понятия не имел, из-за чего шла война ... все, что он вспоминал, это начало 1775 года, когда Батлеры и Джонсоны вместе со своим шерифом Александром Уайтом проехали по всей долине, чтобы срубить шесть свобод, перед церковью Хекимера, так же, как перед этим они сделали в Канауаге»²⁷. Перемены в настроении жителей долины Могавка начинаются после первых же налетов индейцев, инспирированных руководством Британских войск и жившими в долине сторонниками Короны. «Впервые они начали понимать, что только они сами смогут защитить себя»²⁸. Впрочем, пройдет немало времени, много тягот, лишения и скорон близких придется пережить фермерам долины, не раз они будут обмануты посулами Конгресса защитить их, прежде чем это понимание перерастет в конкретные действия и фермеры, организовавшись в ряды милиции, в бою с врагом ощутят, что они могут постоять за себя. Эдмондс мастерски подбуждает, как в боях за свою землю и независимость рождается новое чувство родины, которая для них уже тесно связана с совершающейся революцией. И вот уже герой романа Джил, фермер и только фермер до мозга костей, при виде американского флага ощущает, что он «значит нечто большее, чем флаг Континентальной армии»²⁹, что он – его и знаменует победу и мир. В плане выражения авторской философии истории, того значения, которое он придает борьбе жителей долины Могавка в ходе Войны за независимость, знаменательно совпадение маленькой победы фермеров, разбивших армию Батлера и отиславших т.о. долину Могавка от врага, с победой большой, победой Вашингтона над войсками Кервоуллуса в Виргинии. По мысли Эдмондса, победа американцев в Войне за независимость и образование американской нации не были бы возможны без подобных «малых» побед, без активного действия на новой ступени широких народных масс.

Героический пафос романа не помешал Эдмондсу в выражении главного тезиса его философии истории, тезиса антагонизма государства и простых людей, проявившегося еще на стадии формирования этого нового якобы демократического государства, что нашло отражение во внутреннем конфликте романа: жители романа против центрального правительства, которое не желает их защищать, но обирает и разоряет. С первых страниц романа получает развитие авторская мысль о том, что революционная борьба против Короны ведется только в экономических интересах купцов-янки, до местных жителей /в основном потомков немцев и датчан/ революционному правительству дела нет, они предоставлены сами себе, их выживание становится их личным делом. Жители долины просят защиты от грозящих рейдов индейцев и тори, а Конгресс упорен в укреплении никому не нужного форта Стэнуикс. Долина оголена против неприятеля. С едкой иронией рисует Эдмондс командование Континентальной армии, которое, чтобы как-то среагировать на разорение долины, которое можно было предвидеть и предотвратить, разоряет поселение дружественных американцам индейцев; высмеивает их медлительность, позволившую враждебным племенам ускользнуть, нерасторопность, непродуманность действий, склонность к бюрократическим отпискам. Автор показывает, что их бессмысленная жестокость к индейцам приуготовила жителям Долины безжалостный террор, которому после ухода Континентальной армии индейцы подвергли долину. В изображении Эдмондса, Война ведется за счет народа, хотя его и не защищают.

За свою службу в рядах милиции и за свои раны люди получили гроши, надменный чиновник, выдававший им деньги, настаивает на том, что он действует от имени Конгресса. Грабительский налог,

²⁶ Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938. – P. IX.

²⁷ Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938. – P. 168.

²⁸ Ibid. – P. 194.

²⁹ Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938. – P. 446.

установленный Конгрессом, на издавна принадлежавшие жителям долины землю и строения, разорил почти всех. Горькой иронией окрашиваются в контексте романа слова, сказанные в замешательстве одним из фермеров: «Я думал, что причина, по которой в Бостоне начали войну, и была в том, чтобы нам не пришлось платить налогов»³⁰. Когда же жители долины, благодаря своему мужеству и стойкости, ценой тяжелых жертв очистили долину от врага, бразды правления снова захватили новоанглийские штаты.

Концепция американской революции, воплощенная в романе Эдмондса, по сути, предвдвывает концепцию американской революции, выраженную Гором Видалом в «Бэрре»: «Богачи придерживались проанглийской ориентации, а беднякам было безразлично, платят американские купцы налоги далекому острову или нет. Честно говоря, кроме горстки честолюбивых адвокатов, патриотов в 1775 году было очень мало»³¹.

Философия истории Эдмондса включает в себя осознание Войны за независимость как войны гражданской, войны, вызванной, не в последнюю очередь, столкновением классовых интересов. Один из героев романа, Херкимер, ставший предводителем милиции долины, так характеризует грядущую войну: «У нас будет хотя бы одна большая битва. Все внутри семьи, Джо. Мы и Джонсоны. И никаких солдат. Считаю, что это и не война вовсе»³². Подобная концепция Войны за независимость как войны гражданской, вызванной классовым антагонизмом, могла появиться у Эдмондса под влиянием революционизирующей атмосферы «красных 30-х» с их невиданным всплеском левого радикализма. Осмысление истории Эдмондсом вновь позволило американскому историческому роману обогнать отечественную историографию, которая еще в 50–60-х годах разрабатывала тезис, что американская революция не была революцией с социально-политической точки зрения, что роль ее якобы состояла в упрочении демократической традиции, зародившейся в XVII веке, в сохранении демократических институтов, что рождал демократию не было необходимости – она существовала с начала возникновения колоний /школа Брауна/.

Мысль о классовом характере Войны за независимость станет основной в философии истории крупнейшего американского исторического романиста Говарда Фаста, в его осмыслении Войны за независимость.

Восхищаясь стойкостью и мужеством своих героев, Эдмондс предпочитает находить вполне материальное обоснование для их патриотизма и выбора своего места в борьбе колоний, словно чуждаясь и не доверяя возвышенным идейным мотивам, более того, высмеивая их. Его герои-фермеры сражаются не за высокие патриотические идеалы, а ради выживания – иначе победившие сторонники Короны «шкуру с них спустят»³³. Джо Болео, неоценимый следопыт и проводник отрядов милиции и Континентальной армии, без которого победа над английскими войсками и индейцами была бы невозможна, в своем выборе сторон руководствовался не патриотическими мотивами, а соображениями выгоды: его, охотника, ущемляли притязания англичан на регулирование торговли с индейцами и цен на пушнину, иначе он прикинул бы к Джонсонам. Только на здоровой основе материального интереса, считает Эдмондс, может произрасти честный патриотизм. Фанатиков идеи автор опасается, и не зря. Для понимания философии истории автора особое значение приобретает эпизод с Джоном Вулфом, содержанием трактира. В день военных сборов подвыпившие фермеры врываются в богатый дом одного из сторонников Короны, грабят, учиняют там разгром, а затем, чтобы не отвечать за содеянное, арестовывают Джона Вулфа, известного своими проанглийскими симпатиями, по обвинению в пособничестве шпиону, следы пребывания которого они обнаружили на чердаке разграбленного дома. То, что они пришли в дом инакомыслящего, освободило их от следования моральным догмам и от угрызений совести; а, стремясь снять с себя ответственность за незаконные действия, они, прикрываясь патриотическими мотивами, арестовывают ни в чем не повинного человека. Доказательств вины Вулфа нет никаких, но тенденциозный суд приговаривает его к расстрелу, фактически, не за действия, а за политические убеждения, за инакомыслие. В аресте и в вынесении ему приговора особенно усердствует учитель МакНод, неприязнь к которому автор не скрывает. Капитан Демус, человек более высокого интеллекта, чем окружающие, которому автор доверяет здесь высказать свою точку зрения, предупреждает, что МакНод будет еще причиной многих бед, потому что «он действительно патриот. Для меня, патриотизм значит не многое»³⁴. Автор, конечно же, не против патриотизма, но он не приемлет политического экстремизма ни в каком его виде, чем бы он ни был продиктован, мотивами ли сверхпатриотическими или обратными, и всей логикой развития образов и действия в романе показывает, что политический экстремизм порождает беззаконие, нарушение прав человека, произвол. Так философия истории Эдмондса соприкасается с бурной историей 30-х годов, в этом – его отклик на современные ему два экстремистских режима, две диктатуры, основанные на идеологии, возведенной в ранг государственной политики – фашистскую и тоталитарную советскую.

В рамках литературной традиции роман Эдмондса явился одним из ближайших продолжений темы, начатой романом С.Льюиса «У нас это невозможно» и ставшей затем магистральной в американской

³⁰ Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938. – P. 488.

³¹ Видал Г. Бэрр // Иностранная литература. – 1977. – № 7. – С. 49.

³² Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938.

³³ Ibid. – P. 83.

³⁴ Edmonds W. Drums along the Mohawk. – Boston, 1938. – P. 86.

литературе – темы предупреждения современников против угрозы фашизации жизни в самих Соединенных Штатах.

Описание битв в романе выдержано в традиции Стивена Крейна, предшествующих исторических романов 20-30-х годов, литературы «потерянного поколения». Эдмондс подчеркивает ужас, варварство и бессмыслицу войны, ожесточающей людей и заставляющей их бесцельно уничтожать друг друга. Его особое неприятие вызывают акты политической мести, выражающиеся в убийстве невинных. С возмущением рассказывает он о том, как после одного из рейдов индейцев солдаты милиции в отместку сожгли среди ночи поселение приверженцев Короны, издевались над их женами и детьми. Для выражения своей позиции трижды обращается автор к одному и тому же эпизоду – рейду армии и милиции, предпринятому против индейцев, показывая его то глазами индейца Синяя Спина, то через восприятие Джила, то – Джона Уивера. Подобный фолкнеровский прием /множественность точек зрения на одно событие/ не только помогает автору воссоздать стереоскопическую картину действительности и более полно выразить свою концепцию события, а через него – свою философию истории, но и делает возможным воссоздание идеи истории людей, участвовавших в ее сотворении. Индеец, тайно следующий за армией, потрясен видом сожженных городов, убитых животных, уничтоженных посевов, изнасилованных и зверски убитых затем молодых индианок. Индейцы во время походов грабили, войска – спокойно и систематически уничтожали с одинаковым хладнокровием посевы и людей. Индеец перестает понимать белого человека.

Добропорядочный фермер Джил, любящий муж и заботливый отец, вернувшись из похода, походя говорит жене о карательной экспедиции: «Мы сожгли города. Взяли пленных. Ничего особенного, только много пришлось маршировать»³⁵. И только умудренный жизненным опытом Джон Уивер осуждает жестокость против индейцев, да и то потому, что в дальнейшем они будут жестоко мстить белому населению. По мысли автора, индейцы нравственно гораздо выше белых, даже в своих проявлениях жестокости.

Отношение к индейцам – важный момент, определяющий мирознание людей изображенной в романе эпохи и региона, фронтисменов, живущих с индейцами в постоянном контакте. Эдмондс показывает, насколько психология завоевателей, истинных хозяев земли стала частью национального сознания. Джо Болео, до сих пор с любовью вспоминая свою жену индианку и не тальгией-те времена, когда индейцы были дружелюбно настроены к белому человеку и охотно отдавали ему своих дочерей в жены, неожиданно заключает свой идиллический рассказ о счастливой жизни с женой: «В индейцах нет ничего хорошего. В этой стране жилось бы гораздо лучше, если бы не индейцы»³⁶.

На уровне идеи истории Эдмондс раскрывает национальные, этнические конфликты, существовавшие при рождении нации. Янки не любят местное население, а Лана, жена Джила, отстаивая невинно осужденного Вулфа, с презрением бросает в ответ на рассказ о бесчинствах янки по отношению к женам и дочерям Торн: «Мы – не янки»³⁷, выражая этим укоренившуюся в долине Могавка точку зрения.

Исторический роман Эдмондса отразил наиболее острые проблемы эпохи, в которую он был создан; интерпретация истории в «Грабах над Могавкой» своим пафосом прославления активного политического действия широких народных масс и обличения классового антагонизма, проявившегося еще во времена Революции и Бойны за независимость, заложенного в основу американского государства, подготовила почву для появления исторических романов Г.Фаства об американской революции.

Как и основной массив американского реалистического романа, американский исторический роман 20-30-х годов построен на конфронтации личности и общества, причем основной его темой также является тема отчуждения личности от общества, государства. Большинство героев американского исторического романа 20-30-х годов переживают разочарование в прежних политических или нравственных идеалах и обретают счастье на путях следования изначальным этическим заветам, приходят к пониманию того, что счастье – во взаимной любви, доверии, в надежде на себя, силу своего сердца и чувства. Так в американской исторической романистике межвоенного двадцатилетия реализуется индивидуализм, являющийся основой национального мироощущения, который, по справедливому замечанию Денисовой Т.Н., выступил в этот период «своеобразным выразителем гуманистической тенденции в литературе»³⁸, новым общественно-историческим содержанием наполняется ставшая краеугольным камнем национального сознания теория «доверия к себе».

Следует отметить, что при всей конкретике своего изображения Гражданская война приобретает в американском историческом романе абстрактно-символический смысл, осмысливается не как явление конкретно-исторического контекста, а как война вообще.

Главный же вопрос войны – проблема рабства – вообще старательно избегается историческими романистами. Объяснение этому феномену будет предложено в разделе книги, посвященном рассмотрению послевоенного американского исторического романа.

³⁵ Edmonds W. Op.cit. – P. 466.

³⁶ Ibid. – P. 322.

³⁷ Ibid. – P.82.

³⁸ Денисова Т.Н. Цит. раб. – Киев. 1987.- С. 153.

Американский исторический роман этого двадцатилетия корректирует, изменяет, разрушает идею американской истории, сложившуюся в массовом сознании. Вместе с реалистической прозой этого периода, а иногда и опережая ее, американский исторический роман начал разрушать традиционную американскую мифологию, как «южный миф», так и «американскую мечту» и тесно связанный с ней миф о новом Адаме в Новом Свете. Испытывая нового Адама войной, американский исторический роман заставляет его либо в отчаянии и отвращении отвернуться от мира, стремясь уйти в личную жизнь, либо заставляет его потерять в горниле испытаний свою невинность, нетронутость, но возобладать над социальными обстоятельствами /как это происходит с героями «Долго помнить» М.Кэнтора и «Барабаны над Могавком» У.Эдмондса.

В 30-е года, в силу усиливающихся классовых антагонизмов в обществе и как их следствие – сдвиг общественного сознания влево, невиданная доселе его радикализация, решение проблемы личности в американском историческом романе меняется – путь к самореализации, к расцвету индивидуальных качеств личности видится уже через коллективное действие, классовое сознание становится неотъемлемой чертой новых героев американского исторического романа. Эти изменения очевидны уже в романе У.Эдмондса; они определяют своеобразие нового героя в исторических романах Г.Фауста.

Американский исторический роман этого периода достаточно тонко чувствует свою эпоху и откликается на все болевые импульсы, проявляя историческую прозорливость, судя о происходящем с демократических позиций. В историческом романе США 20-30-х годов сильны социально-критические, классовые мотивы, способствующие углублению понимания исторических процессов, отраженных в романах, и реалистического их отображения. Недаром Фред Миллетт в своем исследовании американского исторического романа межвоенного двадцатилетия отмечает, что романы 30-х годов о Гражданской войне отличаются от более ранних романов на эту тему реалистичностью отображения, более взвешенным подходом, вниманием не к военным действиям, но к мирной жизни во время войны, «и, что наиболее важно, осознанием экономического и философского значения самого трагического события в нашей истории»³⁹.

Самое яркое проявление этих тенденций углубленного социального анализа истории /и современности/ – творчество исторического романиста Г.Фауста, серия его романов, посвященных американской революции, представляющая собой завершение эпохи 20-30-х годов в развитии американского исторического романа.

³⁹ Millett F. B. Contemporary American Authors. – N.Y., 1944. – P. 62.